

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ МИХАЙЛОВ

доктор химических наук, профессор,
главный научный сотрудник и профессор
кафедры аналитической химии,
сертификации и менеджмента качества
Казанского национального исследовательского
технологического университета,
Казань, Россия;
e-mail: olegmkhlv@gmail.com

**Изоляционизм или интернационализм:
мировоззрение российских ученых
в эпоху антироссийских санкций¹**

Рассмотрена проблема существования в российской науке двух принципиально различных подходов к интеграции ее в мировую науку, в одном из которых она рассматривается как «автономная» и независимая от мировой науки (так называемый изоляционизм), в другом — как неотъемлемая часть мировой науки (так называемый интернационализм). Высказано мнение, что, несмотря на антироссийские санкции со стороны западных стран, второй из этих подходов более соответствует долгосрочным интересам и перспективам российской науки и российского общества. Предложены некоторые меры повышения авторитетности российских научных журналов в мировом массиве научных изданий.

Ключевые слова: наука, изоляционизм, интернационализм, научная деятельность, санкции.

В настоящее время в российской науке проявляются два полярных научно-мировоззренческих подхода к проблемам, связанным с публикацией научных работ и их цитируемостью, различие между которыми фактически сводится к ответу на вопрос: публиковать ли свои статьи и иные научные материалы и цитировать эти самые статьи в научных изданиях независимо от национальной принадлежности последних или же публиковать и цитировать лишь в российских изданиях. Этим двум полярным подходам соответствуют две резко различающиеся по «духу» категории исследователей — так называемые изоляционисты и интернационалисты. На первый взгляд выбор между этими научно-мировоззренческими подходами — это личное дело самого исследователя, и в подлинно гражданском обществе именно так и должно быть. Но это лишь на первый взгляд, потому что для российской науки выбор в пользу того или иного варианта сообществом российских ученых отнюдь не безразличен, причем как для ее дальнейшего развития, так и — по большому счету — для судеб нашей страны. Объявленные в 2014 году антироссийские санкции со стороны США и ЕС задели и различные аспекты научного сотрудничества между российскими исследователями и их зарубежными коллегами, вследствие чего «водораздел» между этими двумя подходами среди российских ученых обозначился еще более резко. Но прежде чем обсуждать перспективы этой «поля-

¹Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Разработка системы объективной оценки качества научной деятельности в различных отраслях науки на основе наукометрических параметров цитируемости и соавторства», поддержанному грантом РФФИ № 14-06-00044.

ризации», необходимо дать детальную характеристику как «изоляционистам» так и «интернационалистам».

«Изоляционисты» рассматривают мировую науку как состоящую из отдельных национальных наук и видят российскую науку автономной и даже изолированной от всего остального научного мира. По их мнению, нынешняя российская наука должна быть в значительной степени сходна с советской наукой образца 70-х годов прошлого века, а то и с более ранней. Согласно их воззрениям, российские ученые должны читать и цитировать работы других российских ученых; из зарубежной же научной литературы читать следует лишь то, что переводится на русский язык. Что же касается своих собственных трудов, то их, естественно, надлежит писать тоже только по-русски и публиковать исключительно в российских изданиях. По этому поводу один из видных российских науковедов, П. Ю. Чеботарев, в своей статье (Чеботарев, 2013а) пишет: «Например, от них вы можете услышать, что международная публикация результатов российских ученых есть подарок “геополитическому противнику”, так как он воспользуется нашими достижениями скорее, чем мы сами. Если напомнить, что речь идет об открытых работах, они спросят: “А кто доказал, что их результаты нельзя применить в военной области?” Пожелав продолжить дискуссию, вы услышите еще более «мощный» аргумент: “Да ведь геополитическое соперничество не ограничивается гонкой вооружений.”». Такие ученые видят Россию чем-то вроде «осажденной крепости», а российскую науку — прежде всего — средством поддержания ее оборонной мощи. В последнем, конечно, нет ничего плохого, особенно с учетом вполне реальной военной угрозы со стороны стран Запада. Однако в полном соответствии с вышеизложенной позицией «изоляционисты» полагают, что поскольку российским авторам нет резона публиковаться в международных изданиях, то такие их публикации, равно как и ссылки на них, учитывать совершенно незачем. По соображениям некоего «патриотизма», они нередко готовы публиковаться не только в авторитетных российских журналах (каковых, впрочем, по мировым меркам у нас отнюдь не густо), но и в отечественных изданиях, которые подчас не читают даже сами авторы помещенных там статей. Большая часть «изоляционистов» негативно воспринимают наукометрическую оценку научной деятельности, занимая в лучшем случае весьма скептическую позицию, в худшем — откровенного ее неприятия. И понятно почему: беспристрастная статистика свидетельствует о том, что за редким исключением показатели цитируемости работ «изоляционистов» весьма низки. Как бы то ни было, библиометрические индексы, по мнению «изоляционистов», должны носить целенаправленный «патриотический характер». А именно — должны быть «подобраны» таким образом, чтобы в них наглядно отражалось преимущество непременно «наших» журналов. Что же касается экспертизы научных работ, то эксперты, оценивающие успехи российских ученых для решения вопросов, связанных с моральным или же материальным их поощрением, должны быть подобраны из числа россиян и только из них. Тем не менее многие «изоляционисты» неплохо владеют «международным» английским языком, хотя и используют его в соответствии с их научно-мировоззренческой концепцией для ознакомления с достижениями своих зарубежных коллег и перевода их статей на русский язык.

«Интернационалисты» рассматривают мировую науку как единое целое, а российскую науку — как неотъемлемую часть мировой. По образному сравнению уже упомянутого выше автора (Чеботарев, 2013а), «они считают, что один и тот же интеграл, взятый в Улан-Баторе и в Лиссабоне, имеет одно и то же значение. И, поскольку

ку ученых в Лиссабоне может не знать монгольского, а в Улан-Баторе — португальского, им, чтобы общаться между собой и с другими разноязычными коллегами, имеет смысл воспользоваться популярным сегодня приемом: опубликовать свои результаты по-английски (что не исключает публикаций на родном языке)». Значительная часть таких физических лиц, в общем-то, позитивно воспринимают наукометрическую оценку научной деятельности, хотя в ряде случаев и критически относятся к отдельным параметрам, для этой оценки используемым (в частности, к наиболее популярному ныне в научной среде индексу Хирша). Для них характерна также сравнительно высокая цитируемость их работ. Библиометрические же индексы, по их мнению, должны быть подобраны и должны «работать» таким образом, чтобы ни в коем случае не ставить «на одну доску» статьи в ведущих высокоавторитетных международных журналах и статьи в так называемых «фейковых» изданиях, созданных исключительно для помощи далеким от науки людям в деле защиты ими диссертаций. По мнению «интернационалистов», эксперты, оценивающие успехи ученых для решения вопросов, связанных с моральным или же материальным поощрением исследователей, должны быть специалистами, чьи собственные достижения в науке так или иначе признаны в мире, а не только в нашей стране. При этом не суть важно, является ли этот эксперт гражданином России; «интернационалисты» не видят ничего зазорного в том, если для решения указанных выше проблем будут задействованы авторитетные ученые из «дальнего зарубежья». «Интернационалисты», как правило, как минимум владеют английским языком, могут писать (и пишут) на нем свои статьи. Для них характерно также хорошее знакомство с компьютерной техникой, они имеют навыки использования разнообразных компьютерных технологий (в частности, для представления своих статей в печать в режиме online, как это ныне принято во многих зарубежных журналах).

Интересно в связи с этим посмотреть, как распределяются «изоляционисты» и «интернационалисты» по различным отраслям науки. Статистикой на этот счет автор не располагает (да и весьма сомнительно, что она существует вообще), но, тем не менее, по личным наблюдениям и опросам коллег, «интернационалисты» составляют явное большинство почти по всех науках, относимых по изложенной в статье (Михайлов, 2007) классификации к группе А (естественные науки), тогда как «изоляционисты» концентрируются в основном в науках групп В (прикладные науки) и С (общественные науки). Поскольку автор по образованию и по основному массиву своих публикаций химик, то, по крайней мере в отношении своих коллег «по цеху», может с полной ответственностью сказать: те из них, кто действительно что-то сделал в науке и опубликовал свои результаты в научной печати, в подавляющем большинстве принадлежат именно к «интернационалистам».

Сосуществование в российской науке поименованных выше двух категорий ученых — отнюдь не феномен постсоветского периода; представители и тех и других были среди наших ученых в течение всей истории ее развития. Даже в эпоху сталинизма, когда за контакты с «заграницей» можно было попасть в поле зрения пресловутых органов, находились люди, которые, рискуя жизнью, шли на такие контакты. Вспомним, к примеру, Н. И. Вавилова, П. Л. Капицу или Н. В. Тимофеева-Ресовского. И хотя судьба многих из них оказалась трагической, они понимали, что эти контакты необходимы для развития самой советской науки. И это при том, что отечественная наука была достаточно мощной, чтобы развиваться, не слишком-то оглядываясь на остальной мир.

В то время не существовало той языковой унификации мировых журналов, которая существует ныне, и национальные журналы в каждой стране издавались на государственных языках этих стран. При этом русский язык был де-факто одним из международных языков науки, его учили и использовали в своей научной работе не только исследователи из стран «социалистического лагеря», но и целого ряда других стран. Представители многих научных школ, существовавших в СССР, внимательно штудировали всю литературу, выходящую в мире по их тематике на иностранных языках, хотя раздобывать эту литературу в то время было во много раз труднее, нежели сегодня. А вот в наше время российская наука, по самым оптимистическим оценкам, вносит в мировую науку весьма незначительный по современным меркам вклад — не более чем 5%, реально же — и того меньше, на уровне 2–3% (Чеботарев, 2013б). Если же пересчитать этот вклад на душу населения или даже на одного научного сотрудника, то по любому из них Россия окажется — увы — в лучшем случае где-то в начале второй сотни (!) стран мира. И для любого непредвзятого человека «с улицы», полагаю, должно быть совершенно очевидно, что *такая* наука развиваться в отрыве от науки мировой просто никак не сможет. Нравится это «изоляционистам» или нет, но надо сказать прямо: идея «суверенитета» российской науки на фоне мировой абсурдна в принципе. Сопутствующая же ей автаркия, сопровождаемая фактическим выбрасыванием «за борт» большей части современной научной продукции, публикуемой в международных журналах и национальных журналах ведущих в научном отношении стран мира (США, Германии, Японии, Англии и др.), отказом от экспертизы, осуществляемой рецензентами международных журналов, и конференций, неизбежно приведет к попранию научных критериев как таковых. Что, кстати, в значительном количестве наблюдается в последние годы. К примеру, в наше время в России во многих областях знания можно защитить докторскую диссертацию с русскоязычным списком литературы, опубликованной по тематике диссертации. Это, впрочем, еще полбеда. Гораздо хуже то, что такая автаркия порождает имитацию научной деятельности в масштабах, несопоставимых с мировыми. В двух с лишним тысячах «ВАКовских журналов» (Михайлов, 2008 (Mikhailov, 2008)) и в журналах не из списка ВАК, в сборниках несчетного числа конференций наряду с «нормальными» работами публикуются тысячи псевдо-, а то и лженаучных текстов, не соотнесенных с уровнем современного знания, нередко дублирующих друг друга, не представляющих никакой научной новизны. Следствием всего этого может стать лишь одно — превращение «суверенной» российской науки в настоящую вотчину разного рода демагогов, мошенников и графоманов от науки. А также приведет к тому, что труды российских авторов, «читабельность» которых в наше время, прямо скажем, и так-то не поражает воображение, читать (и тем более изучать) за пределами России перестанут вовсе. Перестанут, сколько бы ни убеждали нас, как это сделал однажды президент теперь уже бывшей Российской академии наук Ю. С. Осипов: «Если человек — специалист высокого класса, то он будет и русский язык изучать, и читать статьи на русском» (Осипов, 2010). Усомнимся в этом: «будет» лишь в некоем идеальном мире, но отнюдь не в реальной жизни.

Предвижу, однако, в связи с этим целых три возражения.

Первое: у нас уже имеется целый ряд национальных журналов, которые переводятся на английский язык и распространяются за рубежом, и эта мера вполне способна решить проблему «доставки» результатов научных исследований русскоязычных ученых до сведения их зарубежных коллег.

Второе: существуют языково-зависимые области знания, например отдельные разделы филологии, лингвистики, этнографии, где адекватной трансляции на тот же английский язык в ряде случаев может и не быть вовсе.

Третье: ныне, в эпоху антироссийских санкций, целый ряд авторитетных научных журналов просто-напросто «закрыл свои двери» для статей российских авторов, причем даже для тех, статьи которых до этих санкций там активно печатали.

По поводу первого возражения стоит заметить, что, с одной стороны, для адекватного перевода какой-либо статьи в любой области науки нужно до тонкостей знать англоязычную терминологию именно в данной, причем весьма узкой области, иначе выходит просто чушь, которую специалисты в этой области понять не смогут. Переводчики же «наших» статей не в обиду им будь сказано, этой специфичной терминологией владеют далеко не всегда. У меня как у автора более полутора сотен статей в «переводных» журналах, претензий к переводам до сих пор не было, однако мне не раз доводилось слышать от коллег весьма нелестные выражения по поводу качества английского языка в этих журналах. С другой стороны, эти «переводные» наши журналы в большинстве своем не входят ни в top-10, ни в top-20, ни даже в top-50 мировых журналов в своих областях; говоря откровенно, их мало кто читает и еще меньше — цитирует. Во всяком случае, ключевой ныне признанный показатель их цитируемости — импакт-фактор по базе данных WoS и Scopus у большинства из них не дотягивает даже до значения 1.000.

По поводу второго возражения: языково-зависимых отраслей знания сравнительно немного, к тому же за редким исключением разрабатывающие их ученые не сосредоточены непременно в одной стране. Кроме того, не всегда язык, с которым связана тема научного исследования, оказывается адекватным для научных рассуждений — например, это может быть древний, или недостаточно богатый, или в недостаточной степени известный зарубежным специалистам язык. А значит, даже в языково-зависимых областях не так уж редко бывает удобно для общения ученых разных стран использовать английский язык. И как бы то ни было, исследователи Германии, Франции, Италии, Японии, Китая и других неанглоязычных стран все свои значимые результаты — нравится им это или нет — публикуют непременно на английском языке, в противном случае мировое научное сообщество о них просто не узнает. Можно, конечно, спорить, насколько хорош английский язык в качестве современной «латыни» научного мира, но другого общепризнанного претендента на эту роль пока что нет.

И наконец, по поводу третьего возражения, на чем хотелось бы остановиться подробнее. Санкции со стороны США и ЕС — дело, конечно, достаточно серьезное, и они распространяются не только на политическую и экономическую сферу, в связи с этим было бы не вполне оправданным считать, что наших ученых и исследователей это никак не касается. Конечно, естественные науки, из упомянутой выше категории А, всегда были и будут вне политики. Сказанное относится и к большинству наук категории В, а вот науки категории С к политике привязаны сильно и «настроения» в них существенным образом зависят от политической конъюнктуры. В связи с принципиальными разногласиями между Россией и Западом по политическим моментам неприятие публикаций наших исследователей в области общественных и гуманитарных наук вполне прогнозируемо. И очевидно, что здесь «изоляциялизм» окажется вынужденной мерой, пусть даже немалое число его и не исповедует. Что же касается исследователей в области естественных наук, то положение дел здесь отнюдь не так однозначно и драматично, как иные хотели бы представить. Действительно, мне

приходилось слышать, что нашим авторам стали гораздо чаще, чем прежде, отказывать в публикации на страницах зарубежных, в первую очередь международных журналов. Причем в ряде случаев — даже для таких статей, которые содержат выдающиеся по современным мировым меркам научные результаты, выполненные российскими учеными с мировыми именами и в научных учреждениях, имеющих солидный научный авторитет в международном масштабе. Зачастую это проделывается под различными надуманными предлогами вроде «эта статья не кажется нам интересной» или же «наш журнал публикует статьи для широкого круга читателей, ваша же статья представляет интерес лишь для специалистов, и мы предлагаем вам отправить ее в специализированный журнал». Но, похоже, что такое отношение коснулось преимущественно вышеуказанных российских исследователей и именно вышеуказанных российских научных учреждений, тогда как «средний класс» российских исследователей от этого не особо пострадал (во всяком случае, у автора были приняты в печать и оперативно опубликованы пять статей в достаточно авторитетных международных журналах). Однако даже если негативные тенденции в отношении статей российских ученых в западных журналах будут нарастать, это еще не повод для того, чтобы «становиться в позу» и решительно отказываться от сотрудничества с соответствующими журналами. Впрочем, нет худа без добра. Как известно, после введения антироссийских санкций Президент и Правительство РФ провозгласили курс на импортозамещение и поддержку своих производителей. Как мне представляется, необходимо принять меры и по повышению авторитета своих российских изданий, и они достаточно просты. Во-первых, стоит издавать все журналы Российской академии наук на *международном английском языке*. Во-вторых, и это главное, по возможности больше цитировать в них статьи именно своих, российских авторов, а не американских, английских, немецких или еще каких-то «иноземных». Если мы пойдем по такому пути, то тем самым сможем существенно повысить импакт-факторы наших журналов и по этому показателю если уж не сравняться, то по крайней мере значительно приблизиться к ведущим международным журналам. Тогда и у многих зарубежных авторов появится желание публиковаться именно в наших российских изданиях, и тем самым они автоматически приобретут статус журналов международных... Понятно, это дело не одного месяца и не одного года, но это нужно делать. Кстати, в этом случае и «грань» между «изоляционистами» и «интернационалистами» будет стираться и в конечном итоге сойдет на нет, отчего выиграют и те, и другие, и российская наука в целом.

Но это — возможное будущее, реализация которого, однако, зависит в решающей степени от воли российского научного сообщества. Возвращаясь же к сопоставлению двух поименованных выше и идеологически полярных категорий российских исследователей, заметим, что «изоляционисты» на первый взгляд кажутся большими патриотами России, нежели «интернационалисты». Однако на поверку многими из «изоляционистов» — осознанно или неосознанно — движет не что иное, как простое желание сохранить ту среду, в которой они худо-бедно конкурентоспособны. «Интернационалисты» же весьма часто, как это ни покажется парадоксальным, действительно движимы патриотизмом, пусть они его и не афишируют в той форме, как «изоляционисты». Однако на деле именно стремление развивать российскую науку, учить молодежь заставляет многих из них продолжать работать в России. И это при том, что немалое число исследователей из категории А без особых проблем смогли бы адаптироваться в научной среде США, Японии, Германии и других ведущих в научном отношении стран мира.

Несмотря на очевидную противоположность «интернационалистской» и «изоляционистской» концепций о роли и месте национальной науки вообще и российской в частности и порой проявляющуюся конфронтацию соответствующих научных групп, ощущения близости своего рода «генерального сражения» между ними пока что нет. И относительно мирное сосуществование двух стратегий: «писать свои статьи по-английски» *versus* «переводить чужие труды на русский» продолжается. Впрочем, если для ведения «боевых действий» у наших российских ученых может, силы и нашлись бы, но вот средств на это уж точно нет. С другой стороны, давно и хорошо известно, что тот, кто является исследователем «до мозга костей», по большому счету вообще не политик. Причем как только в любом научном деятеле начинает расти политик от науки, исследователь с той же скоростью в нем деградирует. Это правило без исключений.

Можно полагать, что цитируемость научной продукции, выдаваемой на-гора российской наукой (а значит, в той или иной степени и ее востребованность в мире), будет существенно зависеть от того, какая из этих концепций в конечном итоге станет доминирующей. Однако в любом случае интеграция науки в мировом масштабе — это процесс необратимый. Войдет ли в него российская наука или нет, покажет время.

Благодарность

Автор считает своим приятным долгом выразить свою глубокую признательность Российскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку, в рамках которой подготовлена настоящая статья (грант № 14-06-00044).

Литература

Михайлов О. В. (2007). Наука и науки // Вестник Российской академии наук. Т. 77. № 12. С. 1139–1143 [Mikhailov O. V. Nauka i nauki // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. T. 77. № 12. S. 1139–1143].

Михайлов О. В. (2008). ВАКовские журналы: CUI PRODEST? // Вестник Российской академии наук. Т. 78. № 12. С. 1075–1077 [Mikhailov O. V. VAKovskie zhurnaly: CUI PRODEST? // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. T. 78. № 12. S. 1075–1077].

Осинов Ю. С. (2010). Президент РАН о Петрике и российской науке. URL: http://www.gazeta.ru/science/2010/02/05_a_3320188.shtml (дата обращения: 24.03.2015) [Osipov Yu. S. Prezident RAN o Petrike i rossiyskoy nauke. URL: http://www.gazeta.ru/science/2010/02/05_a_3320188.shtml (data obrashcheniya: 24.03.2015)].

Чеботарев П. Ю. (2013а). Оценка ученых: пейзаж перед битвой // Управление Большими Системами. Т. 44. С. 506–537 [Chebotaryov P. Yu. Otsenka uchonykh: peizazh pered bitvoi, Upravleniye bol'shimi sistemami. T. 44. S. 506–537].

Чеботарев П. Ю. (2013б). Наукометрия: как с ее помощью лечить, а не калечить? // Управление большими системами. Т. 44. С. 14–31 [Chebotaryov P. Yu. Naukometriya: kak s eyo pomotsch'yu lechit', a ne kalechit'? // Upravleniye bol'shimi sistemami. T. 44. S. 14–31].

Михайлов О. В. (2008). VAK journals: CUI PRODEST? // Herald of Russian Academy of Sciences. Vol. 78. № 6. P. 517–519.

Isolationism or Internationalism: World Outlook of Russian Scientists in the Period of Anti-Russian Sanctions

OLEG V. MIKHAILOV

Professor of the Department of Analytical Chemistry, Certification and Quality Management
of Kazan National Research Technology University,
Kazan, Russia;
e-mail: olegmkhlv@gmail.com

The problem of the existence in the Russian science of two fundamentally different approaches to integrating it into the world science, in one of which it is regarded as an “autonomous” and independent on the world science (so-called “isolationism”), in the other — as an inseparable part of the world science (the so-called “internationalism”), has been considered. It has been voiced the opinion that despite the anti-Russian sanctions by Western countries, the second approach is more consistent long-term interests and perspectives of Russian science and Russian society as compared to the first one. Also, some measures to strengthen the prestige of Russian scientific journals in the world totality of scientific publications have been suggested.

Keywords: science isolationism, internationalism, scientific activities, sanctions.